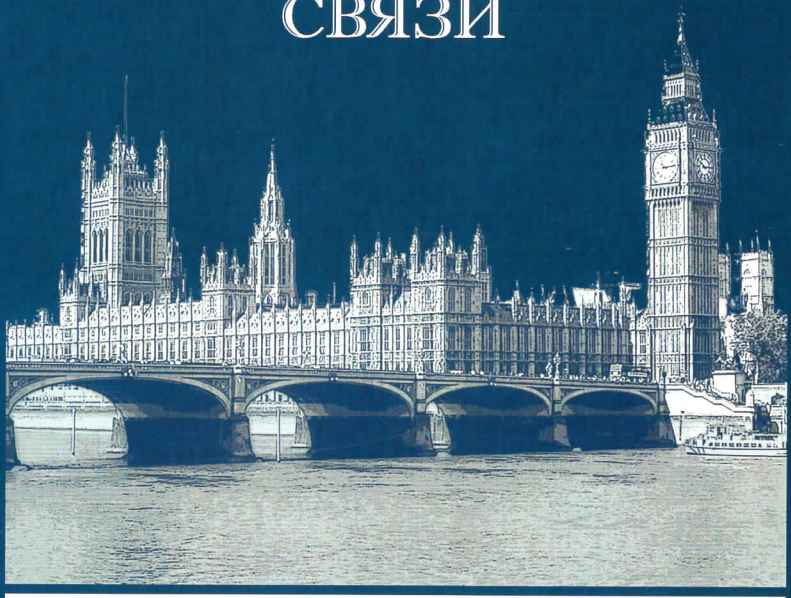
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
КОНСЕРВАТОРИЯ им. Н. А. РИМСКОГО-КОРСАКОВА

РУССКО-БРИТАНСКИЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ СВЯЗИ



Санкт-Петербург
2009

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
КОНСЕРВАТОРИЯ им. Н.А. РИМСКОГО-КОРСАКОВА

РУССКО-БРИТАНСКИЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ СВЯЗИ

Санкт-Петербург
2009

Р – 89
ББК – 85.2

В сборнике «Русско-британские музыкальные связи» помещены статьи, публикации с комментариями, эссе и мемуары, которые представляют отдельные эпизоды, страницы и главы совместной истории музыкальной культуры России и Великобритании. По сути своей они являются отдельными частными изысканиями и этюдами к *общей истории* русско-британских музыкальных связей, которая когда-нибудь будет написана.

Редакционная коллегия:

Л. Г. Ковнацкая, М. П. Мищенко, О. Н. Чумикова

Рецензент:

А. К. Кенигсберг

Оригинал-макет, обработка фотографий,
подготовка к печати
Я. Ю. Гурова

Составление именного указателя
Я. Ю. Гурова и *О. Н. Чумикова*

© Санкт-Петербургская государственная
консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова, 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сборнике «Русско-британские музыкальные связи» читатель найдет статьи, публикации с комментариями, эссе и мемуары, которые представляют отдельные эпизоды, страницы и главы совместной истории музыкальной культуры России и Великобритании.

История регулярных англо-русских отношений, которые легли в основу русско-английских культурных связей, берет начало в середине XVI столетия, когда английская морская экспедиция (1553 г.), прокладывая торговые пути в Индию и Китай, достигла Белого моря и берегов будущего Архангельска. Мало по малу сведения о британцах появились в русских летописях, а сведения о Руси – в английских географических рапортах. Торговля, дипломатия и авантюризм служили почвой и стимулом к сближению и взаимному интересу. Дипломатические посольства из обеих стран, путешествия мореплавателей, купцов, артистов, искателей приключений оставили свои следы в памятниках ранней письменности, в землеописаниях, исторических хрониках, политических донесениях («вестовых листах») и рассказах об описаниях исторических событий с разнообразными деталями жизни, быта, нравов и этикета[1].

Контакты обеих стран множатся в эпоху, когда взаимный интерес поощряется английской и русской короной – Елизаветой I Тюдор и Иваном Грозным. С этого момента кажется вполне объяснимым присутствие описаний Московии, деталей быта (костюмов) Руссии в поэзии и драматургии елизаветинцев и Шекспира[2]. Именно в эти времена закладывались основы многовековых связей двух культур – английской и русской.

Прогресс отношений между островной европейской страной и страной евроазиатской время от времени тормозился политическим недоверием (как, например, реакцией царя

---

[1] См., например, *Горсей Джером*. Записки о Московии. СПб., 1909.

[2] См. сб.: Шекспир и русская культура. М.: Л., 1965.

Алексея Михайловича на события английской буржуазной революции середины XVII века), шпионскими скандалами с разрывом дипломатических отношений, сопровождавшимися изгнанием купцов, дипломатов и простых жителей, осевших в русских городах. Руссо– и англо–фобия возникали в старину (впрочем, и впоследствии) как временное явление и, превращаясь в предрассудок, не могли воспрепятствовать естественному ходу исторического процесса, а именно – обмену материальными и духовными ценностями между странами.

Контакты разветвляются в эпоху Петра I, посетившего Лондон и проведшего в нем два месяца 1698 года[3]. В своем жадном интересе к европейской жизни, новизне ее достижений в науках и искусствах Петр пригласил англичан – архитекторов, инженеров, мастеров-корабелов и многих других – на службу в Россию. Важно отметить интерес царя к английскому театру и театрализованным действам. Петровское время является вехой в истории англо-русских связей: английское присутствие ощутимо проявляется в культуре российской столицы, жизнь немалого числа приехавших или оставшихся жить в России англичан делается заметней, активней и ярче прежнего. Сам же Петр Великий, спустя полстолетия становится мифологизированным героем английской литературы.

Началом XVIII века историки и искусствоведы датируют следующую ступень восхождения отношений: в России проявляется последовательный интерес к английской литературе, к переводам и к языку, к образованию (в частности, в Оксфорде), а в Англии – к петровским реформам, приметам новой жизни, но отчасти к поэзии и к народным песням.

---

[3] Годом ранее королевским портретистом Годфри Неллером был нарисован ставший знаменитым портрет Петра Великого – полководца и триумфатора, в латах, на фоне морского боя. Петр позировал художнику (по просьбе Вильгельма III Оранского) в Голландии (Утрехте). Эрмитаж располагает копией XVIII века. Оригинал находится в личном собрании Ее Величества Королевы Елизаветы II, с любезного разрешения которой экспонировался в дни празднования 300-летнего юбилея Санкт-Петербурга.

Пройдет еще немного времени и на страницах английской периодики появится хроника русской культурной жизни, почерпнутая, среди прочего, из периодики русской. Обоюдное внимание друг к другу становится приметой жизни английского и русского общества.

«В истории англо-русских литературных отношений первая четверть XIX столетия примечательна тем, что в это время заложен был прочный фундамент для будущего литературного обмена, для живой, непосредственной, личной связи между писателями обеих стран», – пишет выдающийся литературовед академик М. П. Алексеев[4]. Он же адресует к биографиям русских и английских поэтов, к их переписке и дневникам, дабы осознать меру глубокой взаимной заинтересованности.

Наугад выбранными из огромного множества примерами могут стать Вальтер Скотт и Денис Давыдов. (Возможно не только литературными достоинствами, но и ответным чувством по отношению к великому энтузиасту русской литературы, русского общества и русских людей, продиктована та огромная популярность русских переводов романов Вальтера Скотта в России, которые были неотъемлемым чтением в годы отрочества вплоть до середины XX века.) Известен пламенный интерес Пушкина к личности и творчеству мятежного борца за свободу Байрона – Пушкина, прозванного русским Байроном. Поэзия Томаса Мура и, в особенности, «Ирландские мелодии» высоко ценилась русскими литераторами, переводчиками (среди них – Жуковский и Лермонтов) и музыкантами вплоть до конца XIX века.

Наполеоновские войны и русские победы в них подхлестнули интерес к России. В Англии стали популярными стихотворения, поэмы и песни о русских казаках – победителях Наполеона, о славном атамане Платове; прибыв в свите русского царя в Лондон, он был встречен, как герой, –

---

[4] *Алексеев М. П.* Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века) / Литературное наследство. М., 1982. Т. 92. С. 224.

триумфально. Символично, что портретную Военную галерею русских полководцев, участников Отечественной войны 1812 года создал для Эрмитажа живший в России английский живописец Джордж Доу.

Двусторонними носителями фольклора были шотландцы на русской военной службе.

С середины XIX века ширится увлечение английских писателей творчеством русских романистов (Тургеневым – Джеймс, Гоголем – Голсуорси, Достоевским – Шоу; примеры можно умножить). Английский бытовой роман становится предтечей великой русской реалистической литературы, оказавшей, в свою очередь, влияние на английский роман.

Современники, всякий раз заново открывающие творчество художников далекой страны, укрепляли и обогащали традицию взаимной заинтересованности. Многовековые двусторонние межкультурные контакты позволили увидеть в отраженном свете, «со стороны», в духовной жизни другой страны нечто иное, обусловленное различием геополитики, но – одновременно – и нечто психологически родственное, обусловленное общностью исторического времени. Взаимное познание обогатило обе культуры.

Сложившиеся школы русской британистики и британской россики образуют мощную ветвь классического и современного искусствознания.

Наконец, к последней трети XIX столетия интенсифицируется музыкальные связи двух стран: русская музыка входит в обращение, обретает преданных поклонников в среде английских композиторов и просвещенных меломанов, оказывает воздействие на стиль британских мастеров; английские и шотландские песни привлекают внимание русских авторов. Таким образом, русско-английские отношения в музыкальном искусстве проявились на прочной основе связей, исторически сложившихся в других областях искусства и духовной жизни обеих стран.

Русско-британское культурное и собственно музыкальное взаимодействие достигает своей кульминации в первой четверти XX века с появлением в Лондоне русской антрепризы Дягилева. С этого момента и вплоть до настоящего времени музыкальные контакты приобретают такое разнообразие и богатство, что не представляется возможным уследить за неисчислимыми проявлениями этой ставшей традиционной связью.

Представленные в сборнике статьи и материалы, исследования и разыскания ни в коей мере не претендуют ни на полноту, ни на систематичность исследования этапов русско-британских музыкальных связей. Они вписываются в общую картину и призваны обогатить ее, умножая незнакомые и разветвляя знакомые сюжеты. По сути своей они являются отдельными частными изысканиями и этюдами к *общей истории* русско-британских музыкальных связей, которая когда-нибудь будет написана.

Редакционная коллегия благодарит все упомянутые в статьях, публикациях и эссе архивы и их сотрудников за предоставление оригинальных материалов и содействие в работе.

В цитированных статьях и письмах знаки пунктуации приведены в соответствие с современными нормами русского языка.

Содержащие сведения из Англии фрагменты из «Русской музыкальной газеты», которые используются в настоящем сборнике как иллюстрации, подобраны Ольгой Чумиковой.

Л. Ковнацкая

Джерард МакБёрни

«СОВЕРШЕННО ОСОБЫЙ РОД МУЗЫКИ»: ВПЕЧАТЛЕНИЯ БРИТАНЦЕВ ОТ МУЗЫКИ РУССКИХ КОМПОЗИТОРОВ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Пристальный интерес британцев к России можно наблюдать в сравнительно ранний период новой истории. Благодаря торговым связям и рассказам путешественников, представления о «русском» или «московском» были настолько распространены, что нашли отражение в английской литературе XVI – XVII веков, в том числе в трех пьесах Шекспира[5]. Со стремительным ростом политических контактов, торговых, строительных и военных связей, в Англии и Шотландии к середине XVIII века сформировалась прочная (и надежно подтвержденная документами) традиция литературы о России. В работах того времени подчеркивались, как правило, экзотические черты страны – по-видимому, с целью произвести впечатление на неосведомленных в большинстве своем британских читателей: предполагаемое «варварство» этой далекой земли; огромные богатства и власть ее правящих классов; унизительную бедность и моральный упадок низших слоев; причудливость ее языка, обычаев и культуры; ее огромные размеры и крайности климата.

Музыка, как показал профессор Э. Кросс, упоминалась в немалом количестве этих ранних описаний, но, как правило, то была народная музыка[6]. К этому периоду относится ряд упоминаний о необычности русских народных инструментов, диком характере песен и танцев и завораживающем воздействии русского хорового пения. Это тем более любопытно, что в наше время возникла тенденция

---

[5] «Напрасные усилия любви», «Мера за меру», «Зимняя сказка». Наиболее впечатляющей «русской» драмой елизаветинско-яковианского периода является «Верноподданный» Бомонта и Флетчера.

[6] См., например, Anglo-Russica: Aspects of Cultural Relations between Great Britain and Russia in the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries // Selected Essays by Anthony Cross. Berg Oxford (Providence), 1993.

рассматривать такой «ориенталистский» подход как романтический. Очевидно, однако, что притягательность столь явной экзотичности намного предшествует возникновению романтизма.

Чего не найти в XVIII веке, так это упоминания о русской композиторской музыке (в смысле классической музыки западноевропейского образца), даже несмотря на то, что в действительности музицирование такого рода было весьма распространено в России. Вероятно, все виденное и слышанное в этом роде путешественники рассматривали как часть общеевропейской музыкальной практики своего времени и не считали заслуживающим специального упоминания.

Только в 1820-х годах в рассказах о России заметно большее внимание стало уделяться ее впечатляющей современной европейской цивилизации, в том числе и высокому качеству классической музыки. Возможно, эта перемена была как-то связана с недавней победой над Наполеоном и широко распространившимся мнением о русских как о союзниках британцев (по крайней мере, временных).

Первые записки о России в этом новом стиле разрозненны и, по большей части, не представляют особой важности. К примеру, Клер Клермонт, подруга английских поэтов-романтиков и любовница Байрона (и мать его дочери Аллегры), неохотно провела четыре года – с 1824 по 1828 – в России в качестве гувернантки. В течение этого времени она вела дневник, в котором сделала несколько случайных упоминаний о музыке. Некоторые из них могут показаться любопытными. Например, она единственный раз упоминает о Пушкине, когда пишет, что слышала песню на его стихи. Она также упоминает исполнение фортепианной пьесы Джона Фильда. Но музыка не была для нее основным предметом интереса, и ее записки наиболее интересны тем, что сообщается в них о других областях культуры[7]. К тому же, они были опубликованы только в XX веке.

---

[7] *Marion Kingston Stocking* (ed.). The Journals of Claire Clairmont 1814–1827. Cambridge, Mass., 1968. Комментарий к этим запискам можно обнаружить в

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН
(курсивом обозначены упоминания в сносках)

А

Абе М. – 41
Аверкиев Д. В. – *124*
Аветисян М. – 125, 329
Адэр Л. О. – 342
Айнбиндер А. Г. – 108
Айрленд Д. – 246
Александр II –144
Александров Д. – 206
Алексеев В. К. – 203, 204
Алексеев К. С.:
См.: Станиславский
Алексеев М. П. – 5,10, 172, 183, 202, 203, *235*, *250*
Алексеев С. В. – *166*, *167*, 202
Алексидзе Г. Д. – 324
Алперс Б. В. – *213*
Альбрехтсбергер И. Г. – 61
Альтшулер В. А. – 224
Алябьев А. А. – 31, 144, 148, 182
Аминатьева
См.: Аминтаева
Аминтаева А. М. – *316*, 334, 336
Андриссен Л. – *254*, *257*
Аппель А. – *171*
Аппиа А. – *201*
Арапов П. Н. – 55, 68, *69*, 70
Арбенин Г. А. – 220
Ариштейн Л. М. – *161*
Артиссилиан
См.: Аветисян
Арутюнян А. Г. – 277
Арцыбушев Н. В. – 189
Асафьев Б. В. – *148*, *157*, 158, 174, 202, 296
Аствацатурова К. М. – *329*
Атлантов А. В. – *138*
Ауэр А. С. – 184, 186, 187, 188, 190
Афанасьев Н. Я. – *56*, 77, *78*
Афонина А. А. – *327*
Афонина Н. Ю. – *272*
Ахматова А. А. – *149*, *296*
Ашкенази В. Д. – *339*

Б

Бабингтон Т. – 86
Байрон А. – 9
Байрон Дж. – 5, 9, 24, 86, 111, 121, 125, 131, 135, 136, 139, *143*, *158*, 166, 170, 172, 173, 183, 234, 284
Бакс А. – *85*
Бакст Л. С. – 237
Балакирев М. А. – 32, 33, 40, *86*, 88, 137, 180,182
Балф М. – 23
Банток Г. – *193*, 197, 247
Баптист Дж. – 60
Баратынский Е. А. – 68
Барбье Ж. – 181
Баринов Д. Б. – *323*
Барли А. – 247
Батюшков К. – 157
Бауэр Е. – 221
Бах И. С. – 61, 67, 88,195, 196, 298, 302
Бахтин М. М. – *217*
Безуглов И. Ф. – *223*
Бейнтон Дж. – 80, 81, 82, 89
Бейнтон Э. Л. – 82
Беккер Г. – 186
Белинда Н. Б. – 331
Белинский В. Г. – *175*
Бельский В. И. – 86
Беннет Дж. – 24, 25, *257*
Бенуа А. Н. – 250, *310*
Берг А. – 293
Березовский М. С. – 13, 15
Беркли Л. – 276
Берлиоз Г. – 15, 17, 34, 179
Бернс Р. – *163*
Бескин Э. М. – 207
Бестужев-Рюмин А. П. – 46
Бестужев-Рюмин К. Н. – *149*
Бетти
См.: Уилсон Элизабет
Бетховен Л. – 15, 28, 37, 59, *96*, *175*, 176, 177, 179, 185, 193, 194, 195, 196, 244
Бёрд У. – 253
Биберовичева И. – 214
Бизе Ж. – 33
Бичем Т. – 38, 41, 245
Блейк У. – 236, 281
Блисс А. – 246, 274
Блок А. А. – 142, 163, 177
Блуменфельд Ф. М. – *127*
Блюменталь-Тамарин А. Э. – 199, 206–214, 218, 220, 221
Бобылева А. – *201*
Богданов – 221
Боголюбов Н. Н. – 220
Бойто А. – 128
Бок Ф. – 218, 219
Бокль Т. – 86
Бомонт Ф. – *8*
Борисовский В. Б. – 342
Бородин А. П. – 31–34, 36, 38, 41, 192
Бородин П. – 222
Бороздна И. П. – 77
Бортнянский Д. С. – 13, 15, 30
Боссе, де – 257
Бощи О. – 10
Брагинская Н. И. – 226, *229*
Брамс И. – 18, 37, 128, 185, 186, 188, 189, 193–196, 246
Брассен Л. – *127*
Браун Д. – *39*
Бреннер, фон – 63
Бридж Ф. – *298*
Бриттен Б. – *172*, 246–249, 254, 272–279, 283, 284, 286, 287, 291, 292, 316, 317, 318, 320, 322, 324, *327*, 328, 329, *330*, 332, 334, 336, 337, 339–342
Бродский А. Д. – 19, *167*
Бродский И. А. – *296*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Людмила Ковнацкая
ПРЕДИСЛОВИЕ 3

Джерад МакБёрни
«СОВЕРШЕННО ОСОБЫЙ РОД МУЗЫКИ»:
ВПЕЧАТЛЕНИЕ БРИТАНЦЕВ ОТ МУЗЫКИ РУССКИХ
КОМПОЗИТОРОВ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА) 8

Юрий Семенов
ОБ ОРГАНЕ МАСТЕРА УИНРОУ,
ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ АНГЛИЧАНИНА В РОССИИ 42

Ольга Скорбященская
ДЖОН ФИЛЬД – РУССКИЙ ПИАНИСТ, ИРЛАНДЕЦ 54

Лариса Миллер
ИЗ БРИТАНСКИЙ КОНТАКТОВ Н. А. РИМСКОГО-КОРСАКОВА:
ПИСЬМО ДЖОРЖА БЕЙНТОНА 80

Елена Кузнецова
ЭДВАРД ЭЛГАР И РУССКАЯ КУЛЬТУРА:
ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ 90

Ада Айнбиндер
ЧАЙКОВСКИЙ И АНГЛИЙСКАЯ КУЛЬТУРА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНОГО АРХИВА КОМПОЗИТОРА) 108

Аркадий Климовицкий
БРИТАНИЯ ЧАЙКОВСКОГО:
РЕНЕССАНС РУССКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО СЕНТИМЕНТАЛИЗМА 142

Михаил Мищенко
ИЗ АНГЛО-РУССКИХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ВСТРЕЧ (ДВА ОЧЕРКА) 184

Яна Поляновская
РЕЖИССУРА В РОССИЙСКИХ ПОСТАНОВКАХ
САВОЙ-ОПЕРЫ (1887–1928) 199

Наталия Брагинская
ИГОРЬ СТРАВИНСКИЙ: «БРИТАНСКИЕ БЕРЕГА» 226

Александр Кнайфель
ВСТРЕЧА В ДАРСБЕРИ 261

Людмила Ковнацкая
АНГЛИЙСКОЕ ЭХО РУССКОЙ ПОЭЗИИ:
ВОКАЛЬНЫЙ ЦИКЛ БРИТТЕНА НА СТИХИ ПУШКИНА 272

Питер Пирс
ИЗ «ДНЕВНИКА ПУТЕШЕСТВИЙ» 297

Указатель имен 343